

RU

Житие, роман и анекдот как модели автоповествования в русских мемуарах второй половины XVIII века

Фарафонова О. А.

Аннотация. Статья написана в русле фундаментальной литературоведческой проблематики - исследуются возможные способы беллетризации русских мемуаров второй половины XVIII века. Цель исследования - анализ мемуарно-автобиографических текстов с точки зрения реализации в них ключевых литературных моделей-прототипов автоповествования. Научная новизна работы состоит в том, что мемуарные произведения второй половины XVIII века («Своеручные записки» Н. Б. Долгорукой, «Похождение прапорщика Климова», «Записки» М. В. Данилова и др.) исследуются не с точки зрения становления и эволюции в русской литературе жанра мемуаров, а с позиции специфики повествовательных и сюжетных моделей мемуарной прозы второй половины XVIII века, очевидно ориентированной на литературные образцы. Полученные результаты исследования показали, что ведущими литературными моделями-прототипами автоповествования в русской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII века являются житие, анекдот и роман.

EN

Life Writing, Novel and Anecdote as Models of Autonarrative in Russian Memoirs of the Second Half of the 18th Century

Farafonova O. A.

Abstract. The article is written in line with the fundamental literary problematic - it studies possible ways of fictionalizing Russian memoirs of the second half of the 18th century. The paper aims to analyze memoir-autobiographical texts in terms of the realization of the key autonarrative models-prototypes in them. The scientific originality of the research lies in the fact that it studies memoir texts of the second half of the 18th century (N. B. Dolgoroukaya's "Self-Made Notes", "The Adventures of Warrant Officer Klimov", M. V. Danilov's "Notes", etc.) not in terms of the formation and development of the memoir genre in the Russian literature, but from the point of view of the specificity of narrative and plot models of memoir prose of the second half of the 18th century, apparently aimed at the literary patterns. The results of the research have shown that the leading literary autonarrative models-prototypes in Russian memoir-autobiographical prose of the second half of the 18th century are life writing, anecdote and novel.

Введение

В отличие от мемуаров первых десятилетий XVIII века, авторы которых чрезвычайно внимательны, прежде всего, к побуждениям и настроениям тех, о ком писали (а это, как правило, видные политические деятели или другие знаменитости своего времени), в центре мемуаров второй половины XVIII века – собственное жизнеописание, судьба автора, его восприятие жизни. Этой переориентацией объясняется поиск повествовательных моделей и языка самоописания.

Актуальность темы исследования определяется тем, что мемуарно-автобиографические произведения второй половины XVIII – начала XIX века очевидно тяготеют к беллетризации если не всего текста, то его отдельных фрагментов, отражающих особо интересные / памятные автору / значимые моменты жизнеописания (например, повествование о какой-либо решающей в жизни автора-мемуариста встрече). Под беллетризацией нами понимается эстетизация (стремление к литературности) мемуарного повествования. Объяснением этого феномена могут служить многие факторы: ориентация автора-мемуариста на литературные образцы (прежде всего, романы), поиск языка самоописания и связанное с этим освоение беллетристической (романы, повести, жития, анекдоты) формы, сюжетных схем и/или способов создания образа.

Теоретическую базу исследования составили труды М. Я. Билинкиса (1995), Т. Е. Автухович (2014), А. В. Антюхова (2003), Е. Е. Приказчиковой (2013; 2018) и других ученых, которых в большей или меньшей степени интересовал вопрос «литературности» русских мемуарных текстов второй половины XVIII – начала XIX века.

В процессе работы были использованы сравнительный и герменевтический методы исследования.

В задачи представленного в статье исследования русских мемуарно-автобиографических текстов второй половины XVIII века входит, во-первых, их изучение в контексте общекультурного и литературного процесса XVIII века; во-вторых, определение актуальных для русской мемуаристики указанного периода повествовательных моделей; в-третьих, анализ наиболее репрезентативных произведений русской мемуаристики указанного периода с точки зрения способов реализации в них житийной, анекдотической и романной стратегий автоповествования.

Практическая значимость представленного в статье исследования состоит в возможности использования его результатов для системного изучения способов беллетризации русских мемуаров в контексте общекультурного и литературного процесса второй половины XVIII века.

Основная часть

Одним из первых о необходимости научного изучения мемуарных текстов XVIII века в контексте развития русской прозы заговорил М. Я. Билинкис. В его монографии «Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман» прямо говорится о близости романного и мемуарного жанров (1995). Билинкис настаивает, что именно документальные тексты, которые «в жанровой системе второй половины столетия – “не литература”», в конечном итоге станут «одним из источников русского романа» (с. 8-9). Для XVIII века «мемуаристика и художественная литература – явления более близкие», чем в последующие столетия (Антюхов, 2003, с. 17). Поэтому исследование русской мемуарно-автобиографической прозы интересующего нас периода, безусловно, не должно проводиться без отрыва от общего историко-литературного контекста.

«Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой» – мемуарное произведение второй половины XVIII века, в котором исследователи видят одновременно признаки исповедально-житийного и романного повествования.

Так, Ю. В. Кагарлицкий (2019) находит, что «текст “Записок” литературен, хотя позднейший читатель может этого и не видеть», а «вся история жизни Долгорукой от рождения написана по канонам романа-испытания» (с. 20). О. Л. Калашникова (2013) также отмечает, что «погруженный в эмпирическое событие сюжет разворачивается как романная история любви двух молодых людей» (с. 256-257). Однако подобная интерпретация представляется слишком обобщенной и может быть отнесена только к первой части текста.

Необходимо отметить, что в «Своеручных записках» Н. Б. Долгорукой (1714-1771) отчетливо выделяются две неравные части. Вторая часть записок, очевидно, написана позже. В издании 1889 года, ставшем основой для подготовленной Г. Н. Моисеевой публикации «Своеручных записок» в составе тома «Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века», по окончании первой части текста сказано: «Тут прерывается рассказ княгини Н. Б. Долгорукой. Что следует дальше, содержит в себе некоторые повторения и написано, вероятно, после» (Долгорукая, 1990, с. 62). В этой части, по сути, представляющей собой вторую редакцию автобиографического повествования Долгорукой, очень кратко пересказываются основные события, которые уже излагались в предыдущем тексте, и, что самое существенное, отчетливо изменяется оптика повествования от житейского восприятия драматических событий своей жизни в первой части к житийному описанию их во второй.

В первой части «Своеручных записок» Долгорукая (1990) описывает свою жизнь от рождения до прибытия в ссылку и создает образ себя как стойкой, любящей молодой женщины, на долю которой выпало множество бедствий и испытаний. При этом она рассказывает и про счастливые моменты, на фоне которых горести выглядят еще более драматично. Адресуя записки семье сына, она использует разговорный стиль: «Я так вам пишу, будто я с вами говорю, и для того вам от начала жизнь свою веду» (с. 43-44). Долгорукая зачастую описывает много бытовых подробностей, разные происшествия и взаимоотношения со многими людьми. Для передачи различных эмоциональных состояний она часто использует восклицание «Боже мой»: «Боже мой, какая буря грозная восстала, со всего свету беды совокупились! <...> Боже мой, как дух во мне удержался! <...> Боже мой! Я тогда света не видела» (с. 47-49).

Обращаясь к Богу, она просит «сил изъяснить [свои] беды, чтобы [она] могла их описать для знания желающих и для утешения печальных, чтобы, помня [ее], утешались» (с. 45). В первой части Бог мыслится как податель силы для перенесения ударов судьбы: «И я была человек, все дни живота своего проводила в бедах, и все опробовала, гонение, странствие, нищету, разлучение с милым, все, что кто может вздумать. Я не хвалюсь своим терпением. Но о милости Божьей похваюсь, что он мне дал столько силы, что я перенесла и по сие время несу; невозможно бы человеку смертному такие удары понести, когда бы не свыше сила Господняя подкрепляла» (с. 46).

Во второй части «Своеручных записок» предельно кратко и с большими лакунами описывается тот же временной промежуток. Однако тональность описания существенно меняется. Композиционно оба варианта начинаются с обращения, первый – к сыну и невестке, где Долгорукая высказывает свое беспокойство после их отъезда и говорит о том, что начинает писать мемуары, удовлетворяя их просьбу. Второй вариант начинается с обращения к Богу, т.е., по сути, с молитвы, где она называет себя «поползновенной ко всякому злу», «грешной» и «окаянной» и благодарит Бога за то, что он ее «не попустил душою погибнуть», «всячески смирял»

и «творил свою волю» (с. 63). Таким образом, все бедствия и печали описываются Долгорукой уже не только как испытания стойкости, выпавшие на ее долю, но, прежде всего, как Божий промысел.

В связи с изменением точки зрения на себя изменяется и описание событий. Прежде всего, очевидно элиминируются все счастливые события, а наиболее драматические эпизоды повествования дополняются ранее не упоминавшимися подробностями. Так, в повторный рассказ о чудесном спасении во время бури, когда корабль занесло в залив и начавшееся сползание земли чуть не отрезало их от выхода в реку, Долгорукая добавляет эпизод о том, что работники вынесли на палубу икону Николая Чудотворца, стали молиться, и буря стихла. Существенно изменяется и описание мужа. Если в первой части он предстает как возлюбленный и заботливый муж, то во второй – как добродетельный христианин, «милостивый муж, и отец, и учитель, и старатель о спасении» героини: «...он фундатор всему моему благополучию теперешнему, то есть мое благополучие, что я во всем согласуюсь с волею Божию и все текущие беды несусь с благодарением» (с. 65-66). Таким образом, во втором варианте своего жизнеописания Долгорукая переносит внимание с себя на Бога и идеализированного мужа.

Модель романа-испытания, о которой пишет Ю. В. Кагарлицкий (2019), в большей степени, нежели запискам Долгорукой, соответствует автобиографическому повествованию А. Я. Климова. «Похождения прапорщика Климова» самой структурой сюжета выделяются на фоне многих мемуарных текстов XVIII века. Текст «Похождения» разделяется на две условные и неравные части – до пленения и после него. Повествование «до» построено по традиционной для мемуаристики кумулятивной сюжетной схеме – нанизывание «достопамятных событий» на канву автобиографии: рассказ о своем происхождении и родителях, несколько эпизодов из детства до зачисления на службу в тринадцатилетнем возрасте, смерть матери, описание довольно счастливой истории службы в Ростовском драгунском полку, счастливая история любви и женитьбы, заканчивающаяся волей «жестокой судьбы» – Климов «принужден был оставить навеки» ему «любезную жену», так как его полк спешно отправляют в Пруссию. Тема жестокой судьбы и Божьей воли, которая только и может спасти человека, является центральной и в замыкающем мемуары Климова акrostихе.

Большая часть текста «Похождений» посвящена описанию «несчастной судьбы» героя-мемуариста после того, как он оказался в прусском плену. Изложенная во второй части мемуаров Климова «бедного странствия трагедия» разворачивается согласно трехчленной циклической сюжетной схеме: потеря – поиск – обретение/возвращение. Пленение и более чем 30-летний прусский плен в тексте предстают как потеря не только родины, но и самого себя. Жизнь в плену описывается как пребывание в ином мире – мире страданий, опасности и смерти.

В этой части повествования Климова присутствует и такой «типичный для циклического сюжета» элемент, как «пересечение топологической границы между двумя мирами» (Бройтман, 2004, с. 79). С героем-мемуаристом это происходит дважды. Первый раз – когда после пленения он оказывается в Пруссии, второй раз – обратное пересечение границы России по возвращении на родину. Образующаяся таким образом симметрия сюжета подкреплена и сменой статуса героя, переживающего своего рода умирание и рождение при переходе границы между своим и чужим пространством. Так, Климов сообщает, что, оказавшись в плену, он и его собратья по несчастью «фальшивым предложением при размене [пленных] показаны... были все умершими» (Похождение прапорщика Климова, 2011, с. 42-45). Все долгое пребывание в плену и подневольная служба в прусской армии связаны с постоянным «переживанием» смерти. Климов выстраивает свою историю как череду несчастных происшествий, свидетелем или невольным виновником которых становится он сам. Климов отбирает и описывает драматические эпизоды, подчиняя всю историю идее неотвратимости судьбы, в его случае несчастной.

Пересечение границы по возвращении героя в Россию изображается фактически как его второе рождение. По дороге он был схвачен польско-литовскими татарами: «...оные татары, а лучше сказать, варвары, невзирая на мои просьбы, аки тираны, совлекли с меня весь мой мундир, да не довольно – и рубашку, и... бросили в один погреб голого, как происшедшего на свет из материнской утробы. <...> Но еще судьба, знать, определила на дальнейшее мое странствие оставить меня в жизни. Ибо на другой день выведен я был из тюрьмы. И не дав мне из моих вещей ниже что малейшего, хоша б прикрыть свое голое тело... велели идти, куда я хочу» (с. 154-155). Климов не по своей воле, но, тем не менее, освобождается от атрибутов чужого мира (даже одежды), но свой истинный облик – русского дворянина – вновь обретает, только оказавшись на территории Российской империи: «...дан мне был паспорт для проезда в Россию, в мое отечество, с награждением прапорщичьим чином, на дорогу деньгами также. Притом был одет, как принадлежит офицеру» (с. 158-159).

Самое удивительное событие по возвращении в Россию происходит с Климовым в Полоцке. Случайно на улице Климова останавливает офицер, который оказывается его младшим братом и крестным сыном. Возвращение-возрождение Климова, являясь третьей – завершающей – частью циклической сюжетной схемы, очевидным образом совпадает с финалом притчи о блудном сыне: «Твой брат был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Можно предположить, что сюжетной основой «Похождения» Климова послужила как очень продуктивная в плане порождения литературных сюжетов притча о блудном сыне – «мировой археосюжет», по выражению В. И. Тюпы (1996, с. 16-17), – так и ее сюжетные вариации в русской литературе XVII века – «Повесть о горелосчастии» и «Повесть о Савве Грудцине». В автобиографическом повествовании Климова есть пересечения и с известными в XVIII веке произведениями зарубежной литературы. Так, Е. Д. Кукушкина отмечает, что «несколько эпизодов... перекликаются с сюжетами “Симплициссимуса”» (Похождение прапорщика Климова, 2011, с. 196). Существенно, что Г. Р. Державин, очевидно почувствовав литературную природу этого текста, в его названии употребляет номинацию «похождение», а не «записки», как было принято для мемуарных повествований в XVIII веке. Заметим, что собственный автобиографический текст он называет

«Записки», что в контексте историко-литературного процесса конца XVIII – начала XIX века было уже вполне традиционной номинацией мемуарно-автобиографических произведений. Основной моделью, по которой строится автоповествование в случае Державина, становится анекдот, что довольно подробно было проанализировано Е. Е. Приказчиковой (2018).

Отметим, что наряду с романной и житийной моделями самоописания анекдот становится одной из популярных стратегий мемуарно-автобиографического повествования во второй половине XVIII века. От житийной и романной она отличается тем, что случай, являющийся основой анекдота, должен как бы говорить сам за себя, характеризуя того, о ком рассказывается, без каких бы то ни было рассуждений, выявления причинно-следственных связей и т.п. Жанр анекдота в литературе второй половины XVIII века был чрезвычайно популярен. Е. К. Никанорова, анализируя бытование исторического анекдота в русской литературе XVIII века, отмечает, что, «не считая журнальных публикаций, анекдоты входили в состав разнообразных – по содержанию и общей направленности – сборников, как переводных, так и отечественных» (2001, с. 3). Неудивительно, что к анекдоту, который являлся довольно распространенным «домашним» чтением, часто обращаются и мемуаристы. Особо остановимся на месте и функции анекдота в «Записках Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанных им в 1771 году». Общая идея повествования Данилова определяется в самом начале текста цитированием поэмы Поупа «Опыт о человеке». Отметим, что в общую логику повествования, которому Е. Е. Приказчикова дает емкое определение «утопия как реальность» (2013), органично встраиваются и эпизоды анекдотического характера, как, например, рассказ об отце Данилова, очевидно со слов его самого, о том, как он был ранен в сражении под Нарвой и его заметил сам царь Петр I: «Государь, осматривая сам персонально своего полку раненых солдат, между которыми у отца моего висящие на жилах отстрелянные пальцы отрезал сам ножницами, изволил сказать при том во утешение страждущему от раны: “Трудно тебе было!” Наконец, при отставке от службы, пожаловал его капралом» (Данилов, 1991, с. 291). Этот анекдот, очевидно, должен служить доказательством того, что род Данилова не относится к тем дворянам, «кои, несмотря на свое недостойство, что не показали отечеству своему ни малой услуги, громко проповедают и бесстыдно гордятся знатностью своего рода и древностью фамилии» (с. 283).

Последовательное описание жизни Данилова имеет, как большинство мемуарных повествований XVIII века, традиционно кумулятивную сюжетную основу, но мемуарист, разворачивая историю собственной жизни на фоне истории своего рода, прибегает к анекдотическим эпизодам в тех случаях, когда ему необходимо не просто рассказать свою историю, а «осветить» ее, «уточняя и углубляя процесс» рассказывания (Курганов, 1990). Так происходит при пересказе анекдота о встрече отца и Петра I под Нарвой; при передаче истории своего детства, которую Данилов организует как череду таких характерных эпизодов-анекдотов (эпизод о том, как двоюродный брат мемуариста высек kota, принадлежавшего их учителю Брудастому, в отместку за жестокое обращение последнего с учениками; рассказ о родственнице – вдове Матрене Петровне, которая не могла «кушать свои любимые щи», если при этом не секи кухарку; встреча родственника Данилова Анфиногена с его женой, упрекнувшей мужа, что он слишком рано «отпросился в отпуск» и вернулся домой, нарушив ее планы; и т.п.). Такие эпизоды часто сопровождаются ироничным завершающим комментарием автора: «...кухарка кричит, пока не перестанет вдова щи кушать. Это так было уже введено во всегдашнее обыкновение: видно, для хорошего аппетита» (с. 304); «Видно, ей не было скучно без него. Она была не очень прихотлива: когда не случилось серебряной ложки, то наедалась досыта и деревянной без разборчивости» (с. 309).

Заключение

В заключение необходимо отметить, что указанные литературные модели-прототипы автоописания в текстах мемуаристов второй половины XVIII – начала XIX века, как правило, не встречаются в «чистом» виде. Можно говорить о доминировании той или иной модели, которая отражает определенный взгляд мемуариста на свою историю. Сочетание в разных вариациях – роман и анекдот, роман и житие и т.д. – позволяет авторам найти именно ту модель автоповествования, которая бы в полной мере соответствовала их восприятию себя и описываемых событий.

Перспективы дальнейшего исследования заявленной проблемы мы видим в расширении корпуса анализируемых текстов и в системном изучении сюжетных и повествовательных моделей, используемых авторами-мемуаристами, а также в выявлении источников и определении основных тенденций беллетризации русских мемуаров второй половины XVIII века.

Источники | References

1. Автухович Т. Е. «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****» и «Похождение прапорщика Климова»: роман как жизнь и жизнь как роман // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск: Омга Принт, 2014.
2. Антюхов А. В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века: дисс. ... д. филол. н. Брянск, 2003.
3. Библински М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1995.

4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед.: в 2-х т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2.
5. Данилов М. В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762) // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е - 1760-е годы) / сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. лит., 1991.
6. Долгорукая Н. Б. Своеручные записки // Записки русских женщин XVIII - первой половины XIX века / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеева. М.: Современник, 1990.
7. Кагарлицкий Ю. В. Мемуары Н. Б. Долгорукой как литературное произведение // Маргиналии - 2019: границы культуры и текста: сб. тезисов международной конференции. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019.
8. Калашникова О. Л. «Сей род сочинений пленителен»: о русской прозе XVIII века. Днепропетровск: Новая идеология, 2013.
9. Курганов Е. Я. «У нас была и есть устная литература...» // Русский литературный анекдот конца XVIII - начала XIX века. М.: Худож. лит., 1990.
10. Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
11. Похождение прапорщика Климова (мемуары XVIII века) / подготовка текста, статья и комментарии Е. Д. Кукушкиной. СПб.: Пушкинский дом, 2011.
12. Приказчикова Е. Е. «Записки» майора М. В. Данилова как образец утопии-эвспихии русского Просвещения // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1.
13. Приказчикова Е. Е. Жанр анекдота в «Записках» Г. Державина // Филологический класс. 2018. № 2.
14. Тюпа В. И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: от сюжета к мотиву / под ред. В. И. Тюпы. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996.

Информация об авторах | Author information

Фарафонова Оксана Анатольевна¹, к. филол. н.

¹ Новосибирский государственный педагогический университет

Farafonova Oksana Anatolievna¹, PhD

¹ Novosibirsk State Pedagogical University

¹ oxana.faroks@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.01.2022; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): мемуарно-автобиографические произведения; житие; роман; анекдот; беллетризация; memoir-autobiographical texts; life writing; novel; anecdote; fictionalization.